

Кожа в том месте, где Сяо Цзинь коснулся Шэнь Юйхэна, вспыхнула легким, зудящим покалыванием. Шэнь Юйхэн поспешно отстранился, но окровавленные одежды, которые он помогал снять юноше, уже успели испачкать его багровыми пятнами, а от тяжелого запаха железа у него закружилась голова.

Нет... Я же только что искупался! — мысленно взвыл Шэнь Юйхэн.

Чтобы не напугать остальных, он оттолкнул Сяо Цзиня в сторону и позвал Чжоу Юаня прибраться. Увидев залитый кровью пол, Чжоу Юань округлил глаза и едва не закричал «убийца!», прежде чем Шэнь Юйхэн затащил его внутрь и шикнул на него.

Оказавшись в комнате, Чжоу Юань понял, что никаких трупов нет. Плохая новость заключалась в том, что Сяо Цзинь выглядел страшнее любого убийцы. Глубоко осознавая, что о некоторых вещах лучше не спрашивать, Чжоу Юань убрал окровавленную одежду, принес новую бадью с горячей водой и поспешно ретировался.

Наблюдая за «спасающимся бегством» силуэтом Чжоу Юаня, Шэнь Юйхэн почувствовал значительное облегчение. Он прошептал Системе:

— Чжоу Юань обычно такой надежный; не могу поверить, что он так боится Сяо Цзиня.

Система с облегчением выдохнула:

[Хозяин, я рада, что вы понемногу к нему привыкаете...]

Однако настроение Шэнь Юйхэна вскоре снова испортилось. Он ясно сказал Чжоу Юаню, что им обоим нужно помыться, ожидая, что его отведут в другие покои для купания. Вместо этого Чжоу Юань растворился в ночи, словно боясь услышать то, чего не следует, оставив на них двоих лишь одну дымящуюся бадью.

Шэнь Юйхэн: «...» Он абсолютно, совершенно, стопроцентно неправильно понял наши отношения.

Не имея другого выбора, Шэнь Юйхэн вздохнул и сказал Сяо Цзиню:

— Выйди пока. Я позову тебя, когда закончу. Не то чтобы я вредничаю, просто... ты весь в крови. Если ты испортишь воду, я не смогу помыться.

Сяо Цзинь одарил его бесстрастным, холодным взглядом, казалось, ничуть не впечатленный этим объяснением. Выставив юношу за дверь, Шэнь Юйхэн заперся. Снаружи лунный свет освещал тихий бамбуковый двор. Сяо Цзинь поднял руку, и на его ладонь выползло черное, похожее на многоножку насекомое Гу, которое начало медленно выпивать пятна крови с его кожи.

Из-за двери до ушей Сяо Цзиня донесся плеск воды. Его рука напряглась. Он нахмурился, но перед глазами вспыхнули образы Шэнь Юйхэна, снимающего с него окровавленную одежду. Мужчина только что принял ванну; влажные кончики его волос прилипли к шее, храня в себе смесь холодной воды и остаточного тепла. А из-за того, что Сяо Цзинь ранее надавил ему на живот, глаза мужчины покраснели от шока.

Плеск прекратился, возвращая Сяо Цзиня к реальности. Его периферийное зрение скользнуло к оконной бумаге. Силуэт Шэнь Юйхэна, выходящего из ванны, был размытым и нечетким, но это заставило Сяо Цзиня резко отвести взгляд. Я видел его самую сокровенную, самую

постыдную сторону... почему же меня выбила из колеи всего лишь тень?

Сяо Цзинь замер. Придя в себя, он понял, что бессознательно раздавил насекомое Гу надвое. Он растер останки в порошок, впиваясь ногтями в ладони, словно желая уничтожить ту версию себя, которая только что дала слабину.

Когда Шэнь Юйхэн позвал его обратно, юноша агрессивно задел его плечом, с силой захлопнув за собой дверь.

Шэнь Юйхэн: «...» Он определенно снова из-за чего-то дуетя.

Иллюзия спокойствия

Единственным небольшим утешением было то, что с той ночи Сяо Цзинь снова перебрался в Зал Цинчжо. Он редко спал; к тому времени, как Шэнь Юйхэн просыпался каждое утро, постель уже остывала. Их отношения вернулись к прежнему статусу-кво — он редко видел юношу днем, сталкиваясь с ним только по ночам.

Всякий раз, когда Сяо Цзинь «случайно» прикасался к нему, Шэнь Юйхэн испытывал странное ощущение. И... не только Сяо Цзинь ведет себя странно. Я тоже стал странным. Он не был уверен, было ли это психологическим фактором или действием яда Гу, но его тело реагировало ненормально.

В целом, он чувствовал себя хорошо. Ни головокружений, ни кошмаров, и то самое... «неописуемое место» больше не болело. Это заставило его поверить, что человек, навещавший его по ночам, действительно был Сяо Хуаем. По крайней мере, по сравнению с политической ситуацией в Великой Чжоу, это была не самая большая проблема.

Со времени инцидента в Зале Умственного Просвещения никто, кроме нескольких личных слуг, не видел Сяо Хуая. Хотя степень ухудшения его состояния была неизвестна, нескончаемый поток лекарей, прибывающих во дворец, говорил сам за себя. Некоторые наложники ежедневно рыдали от страха стать погребальной жертвой; другие отбросили всякую осторожность, тайно сбегая со стражниками в поисках удовольствий. Приближенные Императора были слишком заняты налаживанием связей с Сяо Цзинем или прислуживанием самому Императору, чтобы заботиться о «похотливых делишках гарема».

Прогуливаясь по Императорскому саду, Шэнь Юйхэн часто слышал стоны и крики незаконных свиданий — мужчины и женщины, мужчины и мужчины, женщины и женщины. Каждый раз ему хотелось закричать: «Общественное место! Никаких публичных проявлений чувств!!»

Но он всё понимал. Люди состоят из плоти и крови; желание — это нормально. Запереть столько молодых людей в клетке только ради того, чтобы они служили одному человеку, было противоестественно. Теперь, когда «солнце» клонилось к закату, их долго подавляемые инстинкты пробуждались.

Спустя несколько недель звуки в саду наконец стихли. По-видимому, даже величайшее удовольствие в конце концов приедается. Шэнь Юйхэн почувствовал себя гораздо лучше и легким шагом направился обратно в Зал Цинчжо.

Кровавая расправа на дворцовой дорожке

По пути он увидел маленького евнуха, привалившегося к стене, его шапка съехала набекрень. Обеспокоенный тем, что юноше плохо, Шэнь Юйхэн подошел ближе. Внезапно евнух бросился

на него, источая мерзкий, резкий запах перегара.

[Хозяин, берегитесь!]

— Господин!

Под визг служанок пьяный евнух схватил Шэнь Юйхэна, без умолку бормоча «красавица».

— Отпусти! Что ты делаешь?! — вскрикнул Шэнь Юйхэн. Сила у мужчины была невероятной; его руки потянулись к груди Шэнь Юйхэна, и от этого прикосновения к горлу подступила тошнота.

Шэнь Юйхэн вцепился в свои одежды, но пьяница навалился всем весом, пытаясь разорвать ткань. Этот ублюдок явно в сознании! Лицо Шэнь Юйхэна побледнело, и он изо всех сил пнул мужчину в пах. Он работал над своей физической формой, но так и не смог скинуть с себя этого извращенца.

Проклятье. У этого парня просто нет того самого уязвимого места, куда можно ударить...!!!

Служанки пытались оттащить мужчину, но безуспешно. Они побежали за помощью, но в следующую секунду евнух застыл. Он уставился на собственные рукава, когда раздался глухой стук — два толстых, мясистых обрубка рук упали на землю.

— Аааа... АААААААА!!

Евнух очнулся в агонии. Он упал на колени, пытаясь поднять собственные кисти обрубками. За спиной Шэнь Юйхэна без предупреждения выросла тень, несущая в себе смертоносное, леденящее кровь намерение. Меч с хирургической точностью скользнул по воздуху, пронзая позвоночник евнуха и поднимая в воздух кровавую дымку.

Нападавший взвыл, выворачивая шею, чтобы взмолиться о пощаде, но это было бессмысленно. Клинок Сяо Цзиня не замедлился; он провернул меч, безжалостно разрывая обрюзгшее тело мужчины.

Шэнь Юйхэн ненавидел то, что сделал этот человек, но нежелание Сяо Цзиня останавливаться превращало дворцовую дорожку в самую настоящую бойню. Служанки, вернувшиеся с подмогой, увидели эту сцену и тут же упали в обморок. Крики стихли, но металлический запах крови становился только сильнее, пока Сяо Цзинь продолжал свою безжалостную, беспощадную работу.

Глаза Сяо Цзиня были темными и пустыми. Шэнь Юйхэн снова увидел мальчика из своего видения — того самого, который задушил веревкой человека, пытавшегося осквернить тело его матери.

Шэнь Юйхэн вышел из оцепенения, бросился в эту кровавую баню и схватил юношу за руку.

— ...Сяо Цзинь, хватит.

Если он продолжит, его жестокая натура будет раскрыта перед всем миром.

— Он мертв. Убери меч, — прошептал он.

Сяо Цзинь обернулся, его щека была забрызгана теплой кровью.

— Мать-Супруга так великодушна... подвергшись оскорблению со стороны слуги, вы все равно... — Он остановился на полуслове. Его холодный взгляд опустил на руку Шэнь Юйхэна.

Бледная рука, сжимавшая его плечо, сильно дрожала. Шэнь Юйхэн этого не замечал; он пытался выглядеть сильным, но его маска трещала по швам. Со лба капал холодный пот, пока он выдавливал из себя «подобающую» улыбку.

— Спасибо. Если бы Девятый Принц не подоспел вовремя, я бы оказался в серьезной опасности...

Его тон нес в себе сложную смесь благодарности и беспокойства. Сяо Цзинь не смог этого расшифровать. Он холодно отвел взгляд.

Эхо чужих прикосновений

Они вернулись в Зал Цинчжо в молчании. Никто не проронил ни слова о случившемся, а упавшей в обморок служанке приказали держать язык за зубами. Единственным, кто еще знал об этом, был Чжоу Юань. Он принес ужин и спросил:

— Господин... вы правда в порядке? Возможно, нам стоит сообщить семье Шэнь...

— Не беспокойся, — успокоил его Шэнь Юйхэн. — Я не пострадал.

Поскольку при дворе царила смута, он не хотел волновать отца из-за «мелкого» инцидента. Чжоу Юань увидел, что его поведение было нормальным, и ушел с чувством облегчения.

Наступила ночь. Когда Сяо Цзинь вернулся в опочивальню, масло в лампе уже давно остыло. В комнате стояла тишина, нарушаемая лишь звуками прерывистого дыхания Шэнь Юйхэна во сне. Сяо Цзинь стоял у кровати, с холодным отстранением наблюдая за кошмаром мужчины.

Он мог бы насладиться зрелищем того, как уродливый слуга унижает этого человека, но в тот момент им руководило исключительно желание убивать. Даже сейчас эта жажда крови не угасла.

Сяо Цзинь безжалостно откинул одежды Шэнь Юйхэна, намереваясь, как обычно, стимулировать насекомое Гу. Но сегодня Шэнь Юйхэн сопротивлялся. Он не проснулся, но его подсознание было в ужасе, и он боролся с приближением Сяо Цзиня. Получив отпор дважды, Сяо Цзинь в приступе ярости прижал его запястья над головой.

Шэнь Юйхэн не останавливался; он выгнул спину и попытался вырваться.

Цк.

Сяо Цзинь раздраженно швырнул его обратно на матрас. Глядя на разметавшиеся черные волосы и на то, как мужчина от боли свернулся калачиком, он почувствовал волну раздражения из-за его хрупкости. Его ладони то сжимались, то разжимались. Ему просто хотелось, чтобы дрожь мужчины прекратилась.

В голове промелькнуло видение. Он долго молчал, прежде чем наконец приподнять Шэнь Юйхэна. Он позволил мужчине прислониться к его плечу и начал легко похлопывать его по спине — неуклюже подражая движениям своего отца.

В ту ночь в Зале Умственного Просвещения он видел, как Сяо Хуай точно так же утешал Шэнь

Юйхэна. Их тела сплелись, как две змеи, настолько интимно, что никто другой не смог бы туда вторгнуться. Он запомнил каждую деталь. В его глазах Шэнь Юйхэн не выглядел грязным или скандальным в объятиях Императора — он выглядел священным.

Сяо Цзинь следовал технике своего отца, ритмично похлопывая Шэнь Юйхэна по позвоночнику. Страх мужчины, казалось, постепенно утихал, его дрожь замедлялась.

...Неужели тело Шэнь Юйхэна уже запомнило это тепло и утешение?

— Ха!

У Сяо Цзиня вырвался искаженный, приглушенный смешок сквозь стиснутые зубы. Ему было плевать, запомнил ли мужчина прикосновения Императора. Тело Сяо Хуая скоро остынет. Все привычки Шэнь Юйхэна потеряют смысл, отчего он будет выглядеть еще более жалким.

Ждать осталось недолго. Оставалось сделать всего несколько шагов, прежде чем его злоба, наконец, принесет свои плоды.

<http://bllate.org/book/17965/1732044>